

УДК 1(071)

DOI: 10.34670/AR.2026.90.41.004

Любовь как основополагающая духовная ценность человека в русской философской культуре

Миргородский Андрей Александрович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Донецкий филиал Волгоградской академии
Министерства внутренних дел России,
283050, Российская Федерация, Донецк, просп. Б. Хмельницкого, 84;
e-mail: mirgorodskiy87@mail.ru

Аннотация

В работе был произведён анализ концепта любви как основополагающей духовной ценности человека в русской философской культуре. Нужно отметить, что в большинстве философских и историко-философских исследованиях концепт любви имеет два способа интерпретации: этический и психологический, что предполагает рассмотрение любви прежде всего как нравственной категории, духовной ценности, основания межличностного общения, которую можно отождествить с желанием. В русской философской культуре понимание любви «исключено» из сферы нравственных отношений, психологии взаимоотношений и рассмотрено на уровне онтологии и философской антропологии. Выявлено, что в формировании концепта любви в философии Серебряного века приобретают статус основополагающих категории «всеединство», «Богочеловечество», «София», что позволило онтологизировать и персонифицировать толкование любви в этой традиции. За основу было взято христианское понимание любви как идеала («Бог есть любовь»), а обращение к данным категориям помогло выявить пути его реализации, определённые в конкретных учениях. Это сделано на основании интерпретации следующих идей: «богочеловеческого» призвания человека, связи человеческой личности и Богочеловечества; соединения свободы и любви в творческой деятельности человека; «софийности» как женского начала культуры; универсальной природы человеческого творчества, корнящегося в «мировом строе всеединства». Показано, что «всеединство» в исследуемой традиции рассматривается как цель мирового процесса, для реализации которой необходимы одновременно человеческое творчество и божественная благодать (синергия). Актуальное всеединство, органическое единство всего человечества, «всего со всем» понимается в качестве идеала, являющегося осуществлением всеобщей братской любви, реализацией идеи духовного царства открытой реальности «Я-Ты-Мы», представляющей собой божественное бытие, наивысшую совершенность, радость, которая противопоставляется обезличенному, абстрактному, количественному универсализму. Аргументировано на основе анализа конкретных учений, что на этом пути действия объединяющей силы любовного восприятия жизни мир постепенно должен стать единым абсолютным целым. Установление «всеединства» будет означать достижение такого состояния мира и человека, в котором воплотится идеальный строй бытия в пользу всех, соборность, гармонизация единого и множественного, любовное объединение людей и

Абсолюта. Показано, что на этом основании выстраивается оригинальное учение — «антроподицея». Из толкования православного идеала аскетизма, реализующегося в Богочеловечности, абсолютной полноте бытия (плероме), автором предложено рассматривать традицию «философии любви» в русской философской культуре в качестве катализатора становления «новой» антропологии, содержащей выразительную диалогическую интенцию. Человек представляется не существующим самим по себе и в самом себе, вне отношений Я с Ты, в нём содержится неразрывное единство божественного и человеческого, универсального и индивидуального «начал», без смешивания или очередности, причём «абсолютный» элемент не поглощает человеческий, а коррелируется с ним. В соответствии с этой общей установкой доказывается, что в данной философской традиции любовь — не нравственное предписание («закон»), а принцип духовного делания, жизненный опыт «открытия» человеком себя, «расширения» своей личности до уровня Абсолюта. На этом пути человеческий дух находит своё выражение в творчестве, обращении души к универсальным ценностям и определяется как «духовный брак», основной элемент которого — свобода.

Для цитирования в научных исследованиях

Миргородский А. А. Любовь как основополагающая духовная ценность человека в русской философской культуре // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 339-356. DOI: 10.34670/AR.2026.90.41.004

Ключевые слова

Антроподицея, духовная ценность, любовь, русская философская культура, соборность, софийность, человек, всеединство, философия Серебряного века.

Введение

Обращение к анализу дискурса любви, характерного для философии эпохи русского Серебряного века (первая треть XX ст.), определяется прежде всего порубежным положением культуры этой эпохи (между «модерном» и «постмодерном»), что определило главную интенцию этой традиции — поиск основ индивидуальной свободы через сохранение универсальных ценностей, среди которых основное место принадлежит и любви, феномен которой составляет большую тайну человеческого бытия. С учетом этих, важных для людей самых разных культур, чувств и ориентируясь на содержательный анализ русской художественной и философской традиций, к которому мы прибегаем, стараясь показать определенные взаимовлияния между ними, исследование будет служить основанием преодоления кризисных состояний духовной жизни людей, характерных и для России.

Потребность в исследовании темы любви в современной отечественной философии прежде всего актуализируется и реализуется в пределах этики, социальной философии, философской антропологии, а вот предмет историко-философского познания составляли лишь учения отдельных философов. Итак, актуальность темы обусловлена также отсутствием целостного исследования касательно идейных истоков и духовно-культурных основ формирования концепта любви в эпоху русского Серебряного века.

Для процедуры толкования текстов использовались приемы и средства философской герменевтики и феноменологии. В основу работы положены принципы объективности,

системности, целостности, историзма, что дало возможность представить концепт любви в единстве его главных понятий – «эроса», «филии», «агапе» – на уровне концептуально оформленного обобщения в отношении развития интерпретаций любви в русской философской традиции в соединении аксиологического, экзистенциально-персоналистского, духовно-религиозного, философско-антропологического подходов.

Подходы к анализу концепций любви в русской философской традиции прежде всего определяются работами, посвященным в целом духовно-культурным особенностям, направлениям философствования, идейным основам и специфике категориального устройства мыслительной культуры, которая сформировалась в данной традиции, поэтому значительное место может занять анализ работ В.В. Ванчугова, П.П. Гайдено, Г.Д. Гачева, А.В. Гулыги, Ю.Н. Давыдова, А.Н. Ерыгина, К.Г. Исупова, А.Ф. Лосева, М.А. Маслина, Н.Г. Мозговой, Н.В. Мотрошиловой, Н.П. Полторацкого, Е.К. Соболевской, Т.Д. Суходуб, М.Л. Ткачук, Н.Г. Филипенко, С.С. Хоружего.

Разные аспекты концепта любви в русской религиозно-идеалистической философии эпохи Серебряного века, а также конкретные учения философов о феномене любви в этой традиции исследуют А.И. Абрамов, М.В. Беликова, О.А. Богатова, И.В. Брылина, А.В. Водолагин, Н.С. Джежер, Р.Б. Жанбуршина, К.Г. Исупов, Г.В. Кизюн, А.М. Косарев, Е.Г. Кочетовская, Е.Н. Луценко, А.И. Новиков, Р.Г. Подольный, Т.В. Рябинина, В.Ш. Сабиров, Л.Н. Столович, А.М. Страхов, Л.А. Тарасова, Ю.Ю. Черный и др. Большинство исследователей придерживаются точки зрения, которую, на наш взгляд, наиболее выразительно высказал В.П. Шестаков, согласно которому в развитии теории любви в русском Серебряном веке можно выделить два главных направления, которые не есть целиком отдельными, а такими, которые постоянно в своем развитии взаимодействовали и идейно перекликались.

Первое течение обосновало концепцию индивидуальной любви, которая нравственно возрождает человека на основе гармонизации душевного и телесного состояний. Это философско-платоническое направление, которое связано с возрождением и переосмыслением идей платоновского и христианского эроса, стремлениями их синтеза с современными теориями. Это направление философии любви развивали Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, З.П. Гиппиус, Л.П. Карсавин, Д.С. Мережковский, В.С. Соловьев. Другое течение фактически возрождало средневековое представление о любви в комплексе идей христианской этики, которое выражено прежде всего в понятии каритативной любви (агапе). Это направление, что более ориентированное было на богословские ценности, составляли С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, С.В. Троицкий, С.Л. Франк, П.А. Флоренский. Общим же в указанных направлениях (и это отмечает большинство современных исследователей) есть то, что прежде всего русские философы определяли смысловую функцию любви.

Взгляды мыслителей Серебряного века на природу и назначение любви тесно связано с толкованием в рамках этой традиции содержания таких понятий как «София», «Богочеловечество», «всеединство», «духовная телесность» и т.д., которые играют особенную роль в культуре «русского религиозно-философского ренессанса». В этом аспекте брались во внимание работы как непосредственно мыслителей, которые принадлежали к эпохе и одновременно выступали исследователями ее особенностей, так и современных ученых: С.С. Аверинцева, Д.Л. Андреева, митр. Антония (Сурожского), игум. Вениамина (Новика), З.П. Гиппиус, А.Е. Журавского, о. В.В. Зеньковского, Н.М. Зернова, В.И. Иванова, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского, Ю.М. Лотмана, прот. И.Ф. Мейендорфа, прот. А.В. Меня, Н.К. Рериха, П.А. Сорокина, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, о. Г.В. Флоровского, А.Д.

Шмемана, В.Ф. Эрн.

Основное содержание

Особое звучание тема любви приобрела в отечественной культуре ещё с эпохи Киевской Руси, воспринявшей христианское учение о любви (любовь Петра и Февронии Муромских, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). В этот период проявляются также отцовская и материнская любовь (молитва княгини Ольги за своего сына Святослава) [Рябова, 1996]. Тема любви в той или иной степени характерна для поучений князя Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Константина, Марии, Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Андрея Рублева. Г.П. Федотов отмечает, что приняв от Византии аскетический идеал, русское христианство начинает вносить в него элемент каритативный, элемент служения и милосердия [Федотов, 1990]. Позже люди, создававшие монастыри, были одновременно кормильцами и просветителями окружающего мира. Преподобный Нил Сорский был «нестяжателем», был против казней инакомыслящих, за евангельскую простоту, тем самым он утверждал идеал любви. Г.П. Федотов раскрывает идеал фигуры св. Филиппа Московского. Живая мораль предпочтительнее аскетизма, в ней больше свободы, живое братство должно сменить государственный аппарат насилия [Андреев, 1992]. Поэтому истинная религиозная деятельность – общественное служение для Небесной Святой Руси. При этом чувство любви – тончайшая реакция человеческого сердца, которое является средоточием духовной жизни (Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич), а культура – форма свободного творчества человека.

Г.С. Сковорода выдвигает главный сократовский принцип: «Познай самого себя». То есть в самопознании он видит путь к любви и счастью. Настоящее счастье находится не снаружи, а в нас самих: счастье – в сердце, сердце – в любви, а любовь – в вечности [Сковорода, 1973]. Поэтому необходимо уразуметь и полюбить в себе душу, иначе наша жизнь не будет подлинно человеческой. Сродностью натур обусловлены любовь и дружба в отношениях между людьми, которых может объединить общее дело. П.Д. Юркевич также в духе платонизма считает, что мышление и бытие тождественны. Истина же обнаруживается не только мышлением, но и «сердцем», так как обнаружение истины связано с религиозными и нравственными стремлениями человека [Юркевич, 1990]. Без любви нельзя познать Бога. При этом высочайшая ступень восхождения к абсолютному, то есть Богу, является уже мистическим созерцанием. То, что может существовать, становится действительным через посредство того, что должно быть, а именно через цель платоновской идеи добра [Юркевич, 1990].

В.С. Соловьев стал основоположником оригинальной школы русской религиозной философии, которая включает в себя целую плеяду философов, наделенных разносторонними талантами и обладающих широкой эрудицией. Среди его преемников были также философы-богословы – В.В. Зеньковский, Н.С. Арсеньев, П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский. П.Б. Струве, В.Ф. Эрн. Стиль органического сочетания философской проблематики и литературной публицистики был с самого начала задан в 1906 году созданием Московского религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева. В 1907 году было создано Петербургское религиозно-философское общество. В тот период традиционные темы философской и религиозной мысли получали свое развитие в новых литературных формах. Эпоха Серебряного века была богата опытами выражения метафизических идей в художественном творчестве. Такими образцами литературной метафизики является творчество Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Вяч.И. Иванова и других. Как известно, основной трибуной философов становится

участие в литературно-философских журналах («Логос», «Новые идеи в философии», изд-во «Путь») и сборниках («Проблемы идеализма»). Сборник «Вехи» (1909) имеет ярко выраженный мировоззренческий характер. Авторы – М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк – хотели повлиять на настроение интеллигенции, предложить ей новые идеалы. Основной критике подвергалась традиция радикализма. При этом переход к религиозно-философским воззрениям произошел у Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка значительно позже, уже в эмиграции.

Так, после революции 1917 года и гражданской войны большинство философов Серебряного века оказались в эмиграции, где их интересы все более и более сосредоточивались на религиозной стороне жизни русской православной общины за рубежом. В результате этого возникает такой феномен духовной культуры XX века, как русская религиозная философия. Н.П. Полторацкий [Полторацкий, 1992] пишет об этом феномене, выделяя такие ее темы и черты, как стремление к любви и свободе, соборность, софийность, онтологизм, религиозный космологизм и антропологизм (антропокосмизм), учение о Богочеловечестве и Царстве Божием, эсхатологизм. Таким образом, определяются общие черты русской философии: связь с художественной литературой (литературоцентричность), сопоставление моральных и материальных ценностей для бытия личности и общества.

Одна из самых важных мыслей для культуры Серебряного века состоит в том, что духовность предполагает идею Бога, что Бог – необходимый человеку абсолютный центр, по отношению к которому человек постигает «бытие через себя». Таким образом, отношение «человек-абсолютный центр» – основное отношение культурного процесса. В философии происходит продолжение теософских идей и эзотерических практик в учении Н.К. Рерих и Е.И. Рерих. Все это реализуется через использование психической энергии человека для духовного самосовершенствования на основе любви, добра и красоты. Эти учения характеризуются достижением мира через культуру. В основе же мира – материя, которую нужно преобразить силами человека за счет науки и труда.

Русская философия XIX века имела несомненное влияние на В.С. Соловьева. П.Я. Чаадаев ему передает тему поиска Царства Божьего на земле, проникаясь русской мессианской идеей: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине»; «Не через родину, а через истину ведет путь к небу» [Чаадаев, 2006]. «Русская религиозная философия особенно настаивает на том, что философское познание есть познание целостным духом, в котором разум соединяется с волей и чувством [Бердяев, 2007, 180]. Н.А. Бердяев признает особенностью русской религиозной и философской мысли ее искание целостности. «Русская философия, религиозно окрашенная, хотела быть экзистенциальной, в ней сам познающий и философствующий был экзистенциален, выражал свой духовный и моральный опыт» [Бердяев, 2007, 181]. «Ив. Киреевский и Хомяков провозглашают конец отвлеченной философии и стремятся к целостному знанию (преодоление гегелианства и переход от отвлеченного идеализма к идеализму конкретному). Этот путь продолжает В.С. Соловьев, который был первым, кому выпала честь создания системы христианской философии в духе идей И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Идеал общественного порядка И.В. Киреевский видел в общине [Киреевский, 2002]. Только Церковь имеет цель жизнь вечную и небесную. Государство должно быть построено на принципах религии и на идее соборности. А.С. Хомяков (1804-1860) считает, чтобы познать явления в их жизненной реальности, человек должен выйти за пределы самого себя и перенестись в них нравственной силой искренней любви, которая наличествует в соборной Церкви [Хомяков, 1900], где любят божественную правду. А кто

любит правду, тот любит и Христа, даже в среде христианских сект. Здесь бескорыстная самоотверженная любовь и свобода. Единение на основе любви. Необходимы сила духовного единения со своими братьями, очищение через любовь.

У А.С. Хомякова в католицизме – единство без свободы, в протестантстве – свобода без единства. Только в православии существует гармония между этими категориями. А.С. Хомяков развил теорию о порядке религиозной жизни, которую можно резюмировать в формуле: «Церковь как синтез единства и свободы в любви». А.С. Хомяков подчеркивает важность неразрывного единства любви и свободы. Именно это является особо ценным в его религиозных и философских работах. Христианство – религия любви, и в силу этого оно предполагает и свободу. Постигшим особенности церковной жизни ясно, что догматы церкви нерушимы. Однако в области «мнений» А.С. Хомяков свободно отыскивает новые пути: «Знание истины дается взаимной любовью. Любовь – главный источник познания христианской истины» [Бердяев, 2007, 186]. В свою очередь соборность – свободное единство многих лиц на основе совместной их любви к Богу и ко всем абсолютным ценностям. Н. Чернышевский готов пожертвовать ради своей возлюбленной своим чувством, не требуя от нее никакой ответной жертвы. «Помните, – говорит он ей, – что вас я люблю так много, что ваше счастье предпочитаю даже своей любви» [Философия любви, 1990, 297]. Много существенных идей в духе философии любви высказал Н.Ф. Федоров. Он писал: «Спасение в отдельности, врознь – безнравственно» [Федоров, 2006, 245]; Необходимо «неразрывное единство Отца, Сына и Св. Духа. Иной высокой цели, кроме воскрешения отцов, или восстановления всеобщей любви, нет и быть не может»; «нужно искать братства, а все прочее само собою приложится» [Федоров, 2006, 422]. Н.А. Бердяев писал про Н.Ф. Федорова в «Русской идее» так: «Он – враг индивидуализма, сторонник социального коллективизма, братства людей» [Бердяев, 2007, 239]. «Любовь «выше веры, выше надежды». Н.Ф. Федоров писал: «Наша родовая жизнь не будет делом разума, пока человек зависит от слепой силы природы, пока он не сделает ее орудием своего совокупного разума и единой совокупной воли. ...Искание смысла есть искание общего дела. Воскрешение – торжество нравственного закона над физической необходимостью» [Федоров, 2006, 201]. «Оставаться орудием смертоносной силы природы – значит отречься от человеческого дела. Человек – исполнитель воли Бога». Н.Ф. Федоров говорит о неслиянности – устранения поглощения одним лицом всех прочих. «Нужно «обратить бессознательную слепую силу природы в сознательную, управляемую разумною волею» [Федоров, 2006, 390]. «Истинная религия одна, это культ предков и притом всемирный культ всех отцов как одного отца, неотделимых от Бога Троицкого и неслияемых с Ним» [Федоров, 2006, 74]. Половой инстинкт Н.Ф. Федоров противопоставляет целомудрию как одному из верных путей к воскрешению. Н.Ф. Федоров писал: «Во имя Христа объединяются все живущие для общего дела воскрешения. Воскресение Христа требует всеобщего Воскрешения» [Федоров, 2006, 218]. По Н.Ф. Федорову, победа над смертью означает требование воскрешения отцов, обращение энергии рождающей в энергию воскрешающую [Федоров, 2006, 243]. У Н.Ф. Федорова энергия пола превращается в энергию, воскрешающую умерших отцов [Бердяев, 2007, 244]. Н. Федоров дальше развивает свою мысль: «Единство по образу Троицы есть теснейший союз личностей, в коем выражено то начало, которое мы называем нравственностью, пока не будет общего дела и общей цели, до тех пор и касты не уничтожатся, и люди не будут иметь общего Бога» [Федоров, 2006, 399]. У Н.Ф. Федорова присутствует устремленность к проблемам ноосферы и идее Святой Руси. В целом, русский космизм Н.Ф. Федорова и его философия общего дела повлияли на В.С. Соловьева и на русскую литературу XX века.

В литературе же XIX века концепт любви раскрывается в лирике, где можно выделить такие черты – тождество внутреннего и внешнего в человеке и природе, соединение земного и небесного. Предназначение же поэта – быть примером ума, красоты и гуманности. Смыслом жизни выступают поэзия и высокое чувство любви, верная дружба, мечтательность. А.С. Пушкин показывает любовь Татьяны Лариной и Евгения Онегина, трагедию их непонимания и неразделенной любви, неосознания глубины перерождения героев. В произведении «Евгений Онегин» присутствует чистота побуждений Татьяны, «верной супруги» и «добродетельной матери».

Продолжая рассмотрение заявленной нами проблематики, нужно отметить, что, например, у А.Н. Островского Лариса Огудалова – душа русского космоса. Даже смерть она воспринимает как спасение и ее прощальная нежность обращена ко всем оскорбившим ее. Л.Н. Толстой [Толстой, 1992] пишет, что живя среди людей, человек учится любить людей. Всем существом своим понимая осмысленность, благодатность этого факта – бытия другого человека. По Толстому, человек не мыслит своего бытия вне отношения к Другому, а любовь к бытию означает любовь к другим людям. Если любовь у Л. Толстого – путь преодоления страха смерти, то мир – весь народ, без различия сословий, поэтический любовный мир Наташи Ростовской [Толстой, 1978]. Это братство людей независимо от национальных и классовых различий, здравцу которому провозглашает Николай Ростов при встрече с австрийцем. Нет величия там, где нет простоты, добра и правды. Андрей Болконский признает жизнь ради другого человека. В «Анне Карениной» героиня находится под гнетом семьи и общества. Нужно отметить, что религиозный анархизм Л.Н. Толстого – отрицание начала власти и насилия. Л.Н. Толстой предлагает рискнуть миром для исполнения закона Бога. «Если человек перестанет противиться злу насилием, т.е. перестанет следовать закону этого мира», то настанет Царство Божие [Бердяев, 2007, 173]. Л.Н. Толстой пишет в «Законе насилия и законе любви», что корень разъединенности и эгоистичности людей – в непонимании смысла жизни [Толстой, 1992]. Нельзя соединить людей посредством насилия. Поэтому любовь – высший закон, который должен руководить жизнью. Л.Н. Толстой пишет, что шаг вперед в сознании человечества и христианского учения (для буддизма и ислама закон любви обязателен не всегда) в том, что оно призывает любить врагов. Л.Н. Толстой не признал церковное христианство, хотя взял за основу именно христианское учение, а также идею, что любовь как сущность души человека исключает возможность мысли о каком бы то ни было насилии.

В русской философии вокруг семейно-брачных отношений завязалась целая дискуссия. Ее центром стала позиция Л.Н. Толстого, который утверждал, что пресыщение в браке служит помехой любви. Влюбленность истощается удовлетворением чувственности, вследствие чего и муж, и жена начинают ненавидеть друг друга. Дети повторяют печальный путь своих родителей. По мнению Л.Н. Толстого, цель человечества – реальное единение людей, а смена поколений этому только препятствует. Устами своего героя Позднышева Л.Н. Толстой заявляет, истинный брак только тот, который освящает любовь [Толстой, 1987]. Повесть построена как исповедь человека, убившего свою жену из ревности и от избытка накопившейся во время брака ненависти. В послесловии Л.Н. Толстой призывал к целомудрию. Такова квинтэссенция размышления Л.Н. Толстого о браке, которое в дальнейшем переросло в целое учение, со временем обросшее многочисленными последователями. Наиболее известными из них был публицист М.О. Меньшиков. М.О. Меньшиков [Меньшиков, 1994] считает, что разумная святая любовь не исчерпывается плотской страстью. Недоверие к божественной любви происходит из невежества. Как отмечается, в нашу эпоху существует культ сладострастия. Поэтому нужно

извлечь из души все благородное, потому что в существе природы есть лишь открытая красота. При этом все в мире достойно любви в чистоте тела и духа.

В резкую полемику с Л.Н. Толстым вступил В.В. Розанов (1856-1919). В.В. Розанов, начавший обсуждение в прессе вопросов пола, писал в своих работах [Розанов, 1990] по этому поводу следующее: «Связь пола с Богом большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом». Главная идея В.В. Розанова заключалась в раскрытии глубокой и сокровенной связи пола и религии [Розанов, 1990]. Он утверждал, ссылаясь на свидетельства из истории древнего мира, что религия и пол не просто связаны друг с другом, а произрастают из одного корня. Поэтому все религии так или иначе связаны с полом, а все, что связано с полом, в свою очередь ведет к религии. В.В. Розанов пробивался к пониманию религиозного смысла сексуальности. Религия для него – не иллюзия или форма сублимации (З. Фрейд), не маскировка инстинкта (Ф. Ницше), а кровная и вместе с тем духовная (бытийная) связь человека с Богом, переживаемая в акте любви, в эмоционально-волевом единении противоположных полов. По Розанову, пол в его осуществленности – это любовь мужчины и женщины, которая и по происхождению своему, и по смыслу космична и божественна. Это душа и жизнь, родник духовного и физического, вообще творческого. Ветхий Завет благословлял пол и плоть, он выдвинул заповедь «плодитесь и размножайтесь». В его учении смерть побеждается деторождением. Любовь – это требование рода, стихийный зов первобытного начала, который представляется божественным, то есть исходящим от Бога. Нужно не противиться данному зову, а соблюдать традиционные, веками установленные обряды. В статье «Брак и христианство» [Розанов, 1985] В.В. Розанов говорит, что нет более высшей религии, чем религия семьи. Брак и семья есть таинство в том смысле, что рождение семьи и ее жизнь – великая тайна. Это светлая земля, на которой издревле стоял человек. Таким образом, В.В. Розанов видит в поле не знак грехопадения, а благословение жизни, исповедует религию рождения. Рассуждения В.В. Розанова о любви ограничены кругом быта, семьи, культом деторождения. Поэтому семья для него – центр мироздания, социально и нравственно организующая сила, создающая преемственность и связь поколений.

Как отмечает исследователь А.В. Водолагин, на В.В. Розанова огромное влияние оказало учение Аристотеля о семени как источника деторождения [Водолагин, 2006]. «Начало возникновения» находится в самом возникающем и «становится сущим в действительности через себя». По верному наблюдению В.В. Зеньковского, для В.В. Розанова образ семени навсегда остался основным. Всякая возможность чего-то есть в одно и то же время возможность его противоположности (Аристотель). В семени предзадано целесообразное единство противоположностей мужского и женского начал. По В.В. Розанову, брак – «гармония полов и он основан на вечной и неуклонной предустановленности их сочетания». В.В. Розанов провозглашает силу и мощь половой любви, отстаивает идею божественности пола и сексуальности (он ставит между этими понятиями знак равенства). «Пол не только не есть грех, но наоборот: признание и понимание важности пола ведет к оздоровлению общества, очищению, освобождению от греха» [Розанов, 1990]. В.В. Розанов защищает нравственное значение Эроса. «Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. Потому на земле единственное «в себе самом истинное» – это любовь, которая исключает ложь. Поэтому «истинствовать на земле» – значит постоянно и истинно любить» [Розанов, 1990]. По Розанову, человек рождается для любви. Не будь это чувство космическим, оно было бы присуще некоторым, но, составляя самую суть жизни, оно обще всему живущему. Переход любви в рождение есть как бы земная эманация божественного начала. Здесь проявляется связь с неоплатонизмом. В будущем веке человек весь перейдет в ощущение переполненного

существования, в любовь и нежность, которые уже не истощаются. По Розанову, это вечная любовь без обладания, «нимб непорочнейшего сияния». Своими работами В.В. Розанов сделал запретную тему пола предметом широкой общественной дискуссии. Двухтомная книга «Семейный вопрос в России» (1903), в которой рассматривал различные вопросы: брак, разводы, незаконнорожденные дети и т.д. [Розанов, 1990]. Его работы о поле, семье и браке вызвали огромный резонанс в русском общественном сознании. Андрей Белый писал [Белый, 1991], что, когда В.В. Розанов говорит о поле, он «сверкает». Тут он подлинно гениален, и здесь его имя останется в веках. В.В. Розанов с откровенностью и искренностью заявил во всеуслышанье, что половой вопрос – самый важный в жизни, более важный, чем вопрос социальный, правовой, образовательный и другие общепризнанные вопросы. Вопрос этот лежит гораздо глубже и в корне своем связан с религией, что все религии вокруг пола образовывались и развивались, так как половой вопрос есть вопрос о жизни и смерти.

Метафизика любви В.С. Соловьева – полюс, противоположный философии пола В.В. Розанова. Широкие дискуссии семье и браке постоянно шли на страницах периодической печати, затронув практически все слои интеллигентного российского общества того времени. Страстные споры продолжались и в религиозно-философских собраниях, проходивших в Санкт-Петербурге. Идея открытого общества людей, свободно обсуждающих вопросы культуры принадлежала Д.С. Мережковскому и его супруге З.П. Гиппиус. В этой полемике С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский в свою очередь утверждают не «вне-польность», а «сверх-сексуальность» христианства, которое не за пол и не против пола, а перенесло человека совершенно в другую плоскость. Сексуальность – лишь болезненная маска пола, противоречие, которое нельзя одолеть биологией.

Творчество Ф.М. Достоевского в рецепции мыслителей Серебряного века стало, по нашему мнению, вершиной философии любви в русской художественной литературе («Бесы», «Записки из подполья», «Сон смешного человека»). Культура Серебряного века открывает широкий мир идей и образов Ф.М. Достоевского. Он считал, что любить человека – это значит видеть его таким, каким задумал его Бог. Философия Ф.М. Достоевского наполнена мыслью о единстве всего человечества, всемирного братства во имя Христова. Здесь цель истории – единение всех в законе любви. В романе «Идиот» [Достоевский, 2010] любовь князя Льва Мышкина [Давыдов, 1989, 111] к Настасье Филипповне сравнивается с обручением Христа и Церкви. Демонстрируется любовь и мудрость видения истинного в человеке, который должен сделаться иконой и храмом. Теократия Ф. М. Достоевского такова, что в государстве должно раскрыться Царство Божье, а не царство кесаря. Государство заменяется Церковью и исчезает. Религиозный анархизм Ф.М. Достоевского проявляется в «Легенде о Великом Инквизиторе». Главным местом романа «Братья Карамазовы» [Достоевский, 2005] является поэма «Великий инквизитор». Здесь основная тема свободы. Христос вознес человека до себя. Инквизитор предлагает хлеб, чудо, тайну и авторитет, абстрактная любовь к человечеству. Принятие свободы означает веру в дух человека, а это означает веру в Бога. Тайна Распятия есть тайна свободы. Распятый Бог свободно избирается предметом любви. Христос не насилует своим образом. Великий инквизитор хочет сделать муравейник, рай без свободы. «Эвклидов ум» не понимает тайны свободы, она рационально непостижима. И если не было бы бессмертия, то Великий Инквизитор был бы прав [Бердяев, 2007, 204-205]. Для инквизитора истинное счастье – лишь в рабстве. Истинный же жизненный уклад базируется на чуде, тайне, авторитете. Христос молчит и только в конце он неожиданно целует своего палача в уста. Финал поэмы не сразу понятен Ивану, но очевиден для Алеши и Достоевского. Христос уходит, а инквизитор

остаётся в темнице. Выход из нее только один, и этот путь – вслед за Христом. В «Братьях Карамазовых» для Зосимы все зло – в эгоизме, настоящая любовь – деятельная и живая. Духовное начало должно царить и осуществлять себя в единстве с телесным. По мнению Л.П. Карсавина, без любви ко всему, даже к насекомому, нет и полного принятия мира. В упоении своею вселенскою любовью старец Зосима доходит до порога тайны, нет ничего лишнего в Божьем мире. Н.А. Бердяев говорил, что Достоевский проповедовал христианство, которое раскрывается в Евангелие от Иоанна, христианство преображенной земли, религии воскресения прежде всего. Старец Зосима говорил: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его. Любите все создание Божье, и целое, и каждую песчинку. Каждый листок, каждый луч Божий любите, любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будем любить всякую вещь и тайну Божию постигать в вещах». «Землю целуй и неустанно, ненасытно люби, всех люби, ищи восторга и исступления сего». Как отмечает Н.А. Бердяев, в Достоевском были зачатки новой христианской антропологии и космологии, была новая обращенность к тварному миру [Бердяев, 2007, 231]. Отдать я целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. «Мы будем лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь («в дому Отца моего обителей много»)). Н.О. Лосский считает, что главное условие возможности всеобщей гармонии состоит в том, чтобы цель всех существ была единая. Не в смысле тождества ее, а в смысле возможности согласования различных деятелей для творения общего целого вроде того, как в исполнении оратории принимают участие многие оркестранты и певцы (концепция «симфонической личности» также у Л.П. Карсавина) [Лосский, 1994, 112]. Христианский идеал ставит человека безмерно высоко, единодушие основано не на необходимости, а на свободной общей любви [Лосский, 1994, 124]. Бескорыстная любовь Алеши Карамазова является символом русского христианства с его человеколюбием.

В конце XIX – начале XX века в России о любви пишут писатели и общественные деятели [Шестаков, 1999]. Под огромным впечатлением идеи о Вечной Женственности В.С. Соловьева находились поэты-символисты начала XX века. К примеру, поэты-символисты Андрей Белый, Вяч.И. Иванов говорят об Эросе как новой религии Диониса, который преобладает над Логосом [Иванов, 1995].

Наиболее созвучной философии любви Серебряного века (в частности – лирике В.С. Соловьева) явилось творчество А.А. Блока (1880-1921). А.А. Блок откликается на учение о Вечной Женственности циклом стихотворений под названием «О Прекрасной Даме» [Блок, 2006]. «Безбрежный» поэт ради возлюбленной Незнакомки «с ясной улыбкой на милых устах» готов «все сущее – увековечить, безличное – вочеловечить, несбывшееся – воплотить!». А.А. Блок поет гимн любви «золотой и лазурной» Вечной Женственности. Образы брачной и лучезарной зари, невесты с женихом, среди золотых нив и в церкви. Одновременно происходит борьба между земной и небесной любовью как общечеловеческого чувства.

И.А. Бунин в цикле рассказов «Тёмные аллеи» изображает любовь, которая переменяла отношение к людям, где все представляется в новом свете [Бунин, 2011]. Любовь присутствует «в каждом листе, крике птицы и комке земли». Это не просто чувство, потому что весь мир соединяется в любви. М.А. Волошин переплавляет мир во Вселенную свободы и любви [Волошин, 1988]. Его единственный идеал – град Божий. Жизнь человека предстает как откровение своей подлинной личности, со-творчество Софии, обретающей себя в человеке, и Вселенной. «Люби далекий парус корабля И песню волн, шумящих на просторе. Весь трепет жизни всех веков и рас живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас» [Волошин, 1988]. Стремление «все понять и за всех пережить!». Любовь – самая единственная новость, которая всегда нова в

ощущении родства со всем окружающим. В рассказах А. Куприна («Гранатовый браслет», «Суламифь») поется гимн неразделенной и сильной любви, которая стоит вне экономики и сословных предрассудков. Чиновник Желтков пишет письмо и дарит гранатовый браслет женщине высшего света Вере. Любовь – наивысшее проявление человечности, которую олицетворяет образ розы и аккорды бетховенской сонаты («Мастер и Маргарита»).

Любовь стала центральной темой в творчестве Б.К. Зайцева [Зайцев, 1989]. В повести «Преподобный Сергей Радонежский» раскрывается жизнеописание знаменитого русского святого 14 века, праведника, без которого «не стоит земля наша» Вот почему св. Сергей Радонежский посвятил церковь в своем монастыре Св. Троице, для того чтобы созерцающие истину божественного триединства монахи имели возможность сделать все, что было в их силах, для воплощения этой истины в жизнь. Сергей излучает тихий свет – незаметно и постоянно. Святость растет в нем органично, он тверд и непреклонен, дает обет бедности. Сергей завоевывает на Руси нравственный авторитет, который позволяет ему совершить подвиги вечной любви, которая неподвластна смерти. Приобщение к этому знанию наделяет человека терпением во скорбях, смирением в страдании. Грехи же – раны души человека (православие). А их излечение – путь труда, который дается Богом из любви к человеку. Образ Божией Матери, которая любит и молится за всех грешников, всем хочет спасения. Богоматерь – воплощенная милость и жалость к миру для православия. Центральное произведение всего творчества И. Шмелева «Лето Господне» начинается с Чистого понедельника – первого дня Великого поста, который следует за Прощеным воскресеньем, когда все просят прощение у всех, забывая былые обиды [Шмелев, 1988], проявляя дух смиренномудрия.

Преодоление смерти и утверждение любовной памяти раскрывается в произведениях данного периода [Пастернак, 2002]. Жизнь – работа по разгадке и преодолению смерти, а бессмертие – другое название жизни. Загробное нас окружает всегда, а вовсе не лежит в конце пути. Человек бессмертен, потому что имеет душу. Бессмертие подтверждается во снах, в которых происходит встреча с живыми и неведимыми отцами. Доказывается, что и смерть может быть счастливым даром (как апостол Павел), рождением к новой, величественной жизни, «порогом», за которым воссоединяются. В творчестве Б. Пастернака фигурируют образы метели и снегопада, которые соединяются со свечой, символизирующая свет жизни и любовь (любовь Юрия Живаго к двум женщинам одновременно) [Пастернак, 2002].

В русской литературе XX века доминирует идея В.С. Соловьева о единении космоса, земли и человека. Только через категории Другого Я может стать объектом своего собственного восприятия. В произведениях XX века выдвигается на первый план идея человечности, духовного преображения человека, преодоления отчуждения между людьми. Это надежда на пробуждение человека, вера в человека, а также в то, что в каждом из нас запасы человечности неиссякаемы. Звучат мотивы любви к родине, к отчему дому, к детям и природе. С этими мыслями, чувствами человек является в мир, но проходит вся жизнь, чтобы через метания и пустую суету, сомнения, заблуждения открыть эти истины как в первый раз. Например, В. Астафьев сталкивает чувствительность с грубым бытом войны [Астафьев, 2004]. В единственную ночь, которая была отпущена влюбленным, в памяти Бориса и Люси всплывают символы вечной, нетленной, небесной любви, детские воспоминания, когда он с матерью ходил в театр, где танцевали пастух и пастушка.

Таким образом, русская философия как основу целостности человека утверждает любовь, направленную на такое значительное сакральное содержание, которое составляет смысл бытия. На наш взгляд, феномен любви лучше всего раскрывается именно в эпоху Серебряного века

русской философии. Эпоха Серебряного века – русский религиозный ренессанс – один из самых интересных страниц мировой культуры. Философские тексты этой эпохи продолжают притягивать внимание исследователей. В «Русской идее» Н.А. Бердяев писал: «В начале XX века в России – ренессанс. Он выражался в постоянном переходе в философии за границы философского познания в направлении эсхатологической перспективы» [Бердяев, 2007, 281].

В контексте рассмотрения нашей темы важно отметить про важность в русской культуре эпохи Серебряного века. С одной стороны, Серебряный век – термин, которым, по сложившейся в русской критике XX в. традиции, обозначают искусство (прежде всего литературу) России рубежа XIX–XX вв. или начала XX в. С другой стороны, это период в римской литературе I века, которому предшествовал «золотой век». Мы придерживаемся подхода, который стремится рассматривать всю порубежную эпоху как единое целое, в сложной взаимосвязи не только разных литературных направлений, но и всех явлений культурной жизни этого периода (искусства, философии, религиозных и политических течений). Такое представление о Серебряном веке распространено в последние время как в западной, так и в отечественной науке. Границы обозначаемого периода определяется разными исследователями по-разному. Начало Серебряного века большинство ученых датируют 1890-ми, некоторые – 1880-ми. Расхождения по поводу его конечной границы велики (от 1913–1915 до середины XX в.). При отборе источников исследования мы исходили из необходимости учитывать как содержательный, так и хронологический моменты. Поскольку Серебряный век – не только время, но и отношение к этому времени, мы выводим за рамки исследования тексты тех мыслителей, взгляды которых расходятся с идейными установками этой культуры.

Как мы уже отметили, Н.А. Бердяев назвал это явление «русским культурным и духовным ренессансом»: «Сейчас можно определенно сказать, что начало XX века ознаменовалось ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувствительности. Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в то время» [Бердяев, 1994]. Но Н.А. Бердяев не противопоставлял начало XX в. пушкинской эпохе («золотому веку»), а сближал их, видел сходство Серебряного века с романтическим и идеалистическим движением начала 19 века. Н.А. Бердяев выразил общее ощущение перелома, переходности, которое царило на рубеже XIX–XX вв.: «В части русской интеллигенции происходил духовный кризис, происходил переход к иному типу культуры. Этот кризис был связан с разложением целостности революционного интеллигентского мирозерцания, ориентированного исключительно социально, он был разрывом с русским «просветительством», с позитивизмом в широком смысле слова, был провозглашением прав на «потустороннее». То было освобождением человеческой души от гнета социальности, от гнета утилитарности» [Бердяев, 1994]. Помимо общего для философов Серебряного века места, времени и проблематики, их сочинения характеризуются еще и общим стилем философствования. Это не менее важное ее отличие от широкого понимания «русской религиозной философии», а также понятия «философии в России». У философов Серебряного века – широкая эрудиция, базирующаяся на европейской культурной традиции и литературно-публицистическом таланте. Если до первой революции 1905 года российская интеллигенция была более или менее едина в вопросе о необходимости политических реформ, то после введения основных конституционных свобод в 1905 году общественные умы направляются на поиск новых форм воззрений на жизнь. Философы и литераторы этого периода впервые осмысливали состояние личной свободы и искали ответ на вопрос: «Как реализовать свободу человека для его личного и общественного развития?».

В философии Серебряного века применяется новый подход к основным вопросам культуры и жизни на основе православия. Основной задачей русской философии Серебряного века становится построение православно-христианского мировоззрения, раскрывающее содержание главных догматов христианства и их жизненную действенность (Н.О. Лосский). То есть, речь шла о построении действенного и целостного мирозрения, в котором все его планы – религиозный, культурный, философский, социально-политический, экономический – взаимодополнялись.

Таким образом, философское осмысление концепта любви, по существу, возникает в России только в конце XIX – начале XX века, в эпоху «золотого века» русской философии. Тема любви входит в русскую публицистику, художественную критику, религию и философию. В начале XX века русская философия создала свое оригинальное понимание феномена любви. Следует отметить, что философия любви в русском философском Серебряном веке одновременно связана с этикой, онтологией, теологией, эстетикой, психологией и т.д. Среди форм общественного сознания она утверждает единство морали, религии и культуры, оставаясь философской доктриной. Как справедливо в этом смысле отмечает В.В. Зеньковский [Зеньковский, 2001], философия есть там, где есть искание единства именно всей духовной жизни на путях ее рационализации.

Осуществив анализ основных философских концепций любви в русской философской культуре, мы пришли к выводам, что категория «любовь» рассматривается как ценностно основополагающая в философских учениях в русской философской культуре. Истину русские мыслители понимают как абсолютное всеединство, содержащееся в Боге, который есть любовь. У В.С. Соловьёва звучат три основных тезиса, которые воплощаются в любви – андрогинизм, духовная телесность, Богочеловечество. Идею андрогинизма в большей степени развивают Н.А. Бердяев, З.П. Гиппиус, Л.П. Карсавин. Идею духовной телесности рассматривают по большей части Б.П. Вышеславцев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. Для В.С. Соловьёва именно половая любовь ведет к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, что иллюстрируется фразой «будут два в плоть едину», т.е. «станут одним реальным существом». В половой любви важное значение имеет идея андрогинизма – взаимодополняющее соединение мужского и женского начал. Более того, эта платоническая идея важна для жизни конкретного человека с точки зрения достижения им цельности и гармонии в единстве истины и бытия в Царстве нераздельной и чистейшей любви.

В русской философской культуре любовь несёт в себе духовно-телесное единство. Физическая и духовная стороны в любви одинаково важны, при этом главной целью любовного союза (брака) является освящение и одухотворение телесности (глубокое общение полов). Любовь – не простое соединение оторванных друг от друга мужских и женских половин, а есть богоподобие человека, сверхприродное восхождение по «лестнице». Платонизм также выдвигает идеи духовной телесности, любви как божественной силы и андрогинизма. Любовь как душевно-телесное единство образует двуединство, в которой личности обогащаются духовно жаждой целостности и стремлением к ней. В философии Серебряного века Эрос имеет восходящий творческий характер. Это созвучно мысли Н. А. Бердяева, который говорил, что помимо любви к женщине, для мужчины большое значение приобретает возможность творческой самореализации. В то же время Эрос должен смиряться каритативной нисходящей любовью – Агапе. При этом отношения «Агапе – Эрос» не антиномические, а взаимодополняющие. Они полнее и ярче выражаются в практической жизни, а не в рассудочных формулах и рациональных схемах.

Заключение

Таким образом, проанализированная литература позволяет сделать вывод, в философии Серебряного века концепт любви соединён с философемой «соборности», реализуемой в интегральном общем деле, где взаимодополняют друг друга ценности западной и восточной парадигм духовно-культурного развития, преодолеваются крайности воли человека над миром и отхода от такого тяготения, соединение с Абсолютом. Указывается, что гармонизация взаимодополняющих ценностей осуществляется тут не на основе общего договора, а через любовное восприятие Другого (Ты) и Целого (Мы). Особенный акцент делается на понятии духовной любви, преодолевающей обособившийся человеческий эгоцентризм силой целого – через вхождение в душу высшей реальности, связанной с ощущением полноты и целостности, через видение в другом человеке своего иного Я (alter ego). Утверждается, таким образом, что философия любви, развитая в эпоху Серебряного века, демонстрирует нацеленность на принцип диалогичности в понимании культуры межличностных отношений, отсюда любовь – не моральное предписание, а свобода, божественность, нахождение себя в Другом, в-бытии-для-другого. Показывается, что любовь к другим людям формирует любовь к бытию – на этом основании развивается идея единого органического целого в понимании бытия, внутри которого личность находит своё истинное Я.

Также утверждается, что в русской философской культуре любовь рассматривается как индивидуальный феномен, предполагающий активный личностный выбор, являющийся освященным, наполненным духовным смыслом в акте трансцендирования. Выборочность, вдохновленное стремление к конкретному индивиду, а не к любому представителю противоположного пола, отличают любовь от полового влечения. Цель любви – духовно-телесное единение мужчины и женщины, заключающееся в выявлении внутренней андрогинной природы личностей, в стремлении человека обновить утраченное единство и получить целостность во всех планах своего бытия. Характерной для традиции является также акцентирование на духовно-телесном взаимодействии в любви, которое делает жизнь человека полноценной. Показано, что мыслители проводят синтез всех основных видов и форм любви – Агапе, Эроса, Филии. В дуализме Агапе и Эроса проявляется антиномия христианского пути как аскезы и творчества, смирения и творческого вдохновения. На этом основании делается вывод, что в исследуемой традиции любовь толкуется как сущность человека, объединяющегося с божественным миром с помощью Софии, «мировой души».

Нужно отметить, что концепт любви, представленный в русской философской культуре, вытекает из христианского учения о сердце как центре духовной жизни человека. Отсюда утверждается, что любовь постигается не через абстрактное познание, а через образ жизни, интуитивное познание, «сердечное» чувственное взаимопроникновение, когда действительность воспринимается как «Ты» и «Мы», а человек ощущает себя одновременно как абсолютное в относительном и относительное в абсолютном.

Определены духовно-культурные предпосылки развития «философии любви» в русской философии рубежа XIX-XX вв., которые связаны прежде всего с актуализацией в традиции в целом такого исходного для неё компонента как религиозное мировоззрение. На этом фоне показано, что школа продолжает развивать идеи платонизма, греческой патристики, Средневековья, классической философии (как универсалистского «проекта», хотя и на другом основании). Мы настаиваем на том, что философы эпохи развивают положения о неразделимом и несмежном единении божественной и человеческой природ во Христе, перенося это и на отношения людей и на такие человеческие качества как способность к сочувствию, милосердие,

любовь. Отсюда актуализируется и категория софийности, которая понимается как путь достижения всеединства через взаимодополнение духовной основы и человеческой души, готовой свободно принять дар любви. Соответственно – отход от пути утверждения софийного характера созданного мира, находящегося в состоянии незавершенности, ориентация людей на своеволие, отдельность, взаимное непроникновение толкуется как зло – отсутствие добра.

Тему любви как необходимой составляющей общей проблемы связи мира и Абсолюта, разработанную В.С. Соловьёвым, в философии Серебряного века будет раскрывать направление софиологии. Принцип софийности тут толкуется как жизнь в красоте, которая создаётся и достигается с помощью искусства жизни, идеально соединяющего искусство и хозяйство, теургию и софиургию (С.Н. Булгаков). Как идеальная личность человека, сущностная красота творения, откровение которой осуществляется в истинной любви, когда Я выходит из своей конечной самости и находит родственность с другим Я (П.А. Флоренский). При этом совершенная любовь характеризуется возрождением Я через радостное принятие Другого. С.Л. Франк удачно определяет, что идеальным проявлением любви является универсальная любовь ко всем во всей индивидуальности, конкретности и единичности каждого человека, что любовь и человечность – синонимичные понятия. Любовь как категория бытия не несёт в себе эгоистического наслаждения (гедонизм), рабства, нацеленности на разрушение себя во имя Другого, а является таким преодолением корыстной личной жизни (трагичность бытия), которое дарует блаженную полноту бытия и этим придаёт жизни смысл. Итак, сущность человека – не только мышление или воля, а и любовь, то есть, человек изначально призван любить, есть любящее существо (*homo amans*).

Таким образом, резюмируем, что, в целом, в произведениях мыслителей русской философской культуры звучит основной мотив В.С. Соловьёва оправдания материального мира («религиозный материализм»). При этом развиваются три основные положения теории Соловьёва, выведенные им из учения Платона: андрогинизм, одухотворение плоти («святая плоть»), обоготворение любви. Но здесь речь идёт не об абстрактной платонической любви к идеям, красоте, безличностному человечеству (любовь к «дальному»), а о конкретной любви к каждому живому существу.

Библиография

1. Андрей Белый. Вейнингера о поле и характере // Русский Эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 100-105.
2. Астафьев В. П. Пастух и пастушка // В. П. Астафьев. Избранное. М.: АСТ, 2004. 363 с.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. М.: АСТ, 2007. 286 с.
4. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство : ИЧП «Лига», 1994. С. 202-217.
5. Блок А. А. Стихи о Прекрасной Даме. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
6. Бунин И. А. Темные аллеи. М.: АСТ, 2011. 349 с.
7. Водолагин А. В. Любовь и смерть в понимании В. В. Розанова // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 109-113.
8. Волошин М. Лики творчества / Под ред. В. А. Мануйлова, Б. Ф. Егорова. Л.: Наука, 1988. 848 с.
9. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия. М.: Молодая гвардия, 1989. 318 с.
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2005. 920 с.
11. Достоевский Ф. М. Идиот. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 670 с.
12. Зайцев Б. К. Голубая звезда: Повести и рассказы. Из воспоминаний / Сост., предисл. и коммент. А. Романенко. М.: Московский рабочий, 1989. 592 с.
13. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
14. Иванов В. И. Л. Толстой и культура // Лики культуры: Альманах. Том первый. М.: Юрист, 1995. С. 259-275.
15. Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М.: Московский Сретенский монастырь, 2002. 289 с.
16. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.

17. Меньшиков М. О. О любви. Ставрополь: Горница, 1994. 192 с.
18. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы и проза. М.: АСТ : Олимп, 2002. 703 с.
19. Полторацкий Н. П. Русская религиозная философия // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 126-140.
20. Розанов В. В. Брак и христианство // Собрание сочинений: в мире неясного и нерешенного. М., 1985. С. 107-139.
21. Розанов В. В. Люди лунного света: метафизика христианства. М.: Дружба народов, 1990. 304 с.
22. Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. 711 с.
23. Рябова Т. Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 27-32.
24. Сковорода Г. С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1973. 511 с.
25. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4. М.: Молодая гвардия, 1978. 368 с.
26. Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Л. Н. Толстой. Избранные философские произведения. М., 1992. С. 133-189.
27. Толстой Л. Н. Крейцерова соната // Л. Н. Толстой. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1987. Т. 11. С. 97-127.
28. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве. М.: АСТ, 2006. 539 с.
29. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. Коммент. С. С. Бычкова. М.: Моск. рабочий, 1990. 269 с.
30. Философия любви. Ч. 1 / Под общ. ред. Д. П. Горского; Сост. А. А. Ивин. М.: Политиздат, 1990. 510 с.
31. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Том 1. М.: 3 изд., 1900. 408 с.
32. Чаадаев П. Я. Философические письма. М.: АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 254 с.
33. Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство. М.: Республика, 1999. 464 с.
34. Шмелев И. Лето Господне: Праздники. Радости. Скорби. М.: Сов. Россия, 1988. 384 с.
35. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // П. Д. Юркевич. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69-103.

Love as a Fundamental Spiritual Value of the Human Being in Russian Philosophical Culture

Andrei A. Mirgorodskii

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
283050, 84, B. Khmel'nitskogo ave., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: mirgorodskiy87@mail.ru

Abstract

The paper analyzes the concept of love as a fundamental spiritual value of the human being in Russian philosophical culture. It should be noted that in most philosophical and historical-philosophical studies, the concept of love has two modes of interpretation: ethical and psychological, which involves considering love primarily as a moral category, a spiritual value, a foundation of interpersonal communication that can be identified with desire. In Russian philosophical culture, the understanding of love is "excluded" from the sphere of moral relations and the psychology of relationships and is considered at the level of ontology and philosophical anthropology. It has been revealed that in the formation of the concept of love in the philosophy of the Silver Age, the categories of "all-unity," "God-manhood," and "Sophia" acquire the status of fundamental ones, which made it possible to ontologize and personify the interpretation of love in this tradition. The Christian understanding of love as an ideal ("God is love") was taken as a basis, and the appeal to these categories helped to identify the ways of its realization defined in specific teachings. This is done on the basis of the interpretation of the following ideas: the "God-human" calling of the human

being, the connection between the human personality and God-manhood; the union of freedom and love in human creative activity; "sophianicity" as the feminine principle of culture; the universal nature of human creativity rooted in the "world order of all-unity." It is shown that "all-unity" in the tradition under study is considered as the goal of the world process, for the realization of which both human creativity and divine grace (synergy) are necessary simultaneously. Actual all-unity, the organic unity of all humanity, "everything with everything," is understood as an ideal representing the realization of universal brotherly love, the implementation of the idea of the spiritual kingdom of the open reality of "I-Thou-We," which is divine being, the highest perfection, joy, which is opposed to impersonal, abstract, quantitative universalism. It is argued, based on the analysis of specific teachings, that on this path, through the action of the unifying force of a loving perception of life, the world should gradually become a single absolute whole. The establishment of "all-unity" will mean the achievement of such a state of the world and the human being in which the ideal order of being for the benefit of all, sobornost', the harmonization of the one and the multiple, and the loving union of people and the Absolute will be embodied. It is shown that on this basis, an original teaching is built — "anthropodicy." From the interpretation of the Orthodox ideal of asceticism realized in God-manhood, the absolute fullness of being (pleroma), the author proposes to consider the tradition of the "philosophy of love" in Russian philosophical culture as a catalyst for the formation of a "new" anthropology containing an expressive dialogical intention. The human being is presented not as existing by oneself and in oneself, outside the relationship of I with Thou; one contains the inseparable unity of the divine and the human, the universal and the individual "principles," without mixing or sequence, and the "absolute" element does not absorb the human one, but correlates with it. In accordance with this general orientation, it is proved that in this philosophical tradition, love is not a moral prescription ("law"), but a principle of spiritual doing, a life experience of the human being's "discovery" of oneself, the "expansion" of one's personality to the level of the Absolute. On this path, the human spirit finds its expression in creativity, the turning of the soul to universal values, and is defined as a "spiritual marriage," the main element of which is freedom.

For citation

Mirgorodskii A.A. (2026) Lyubov' kak osnovopolagayushchaya dukhovnaya tsennost' cheloveka v russkoy filosofskoy kulture [Love as a Fundamental Spiritual Value of the Human Being in Russian Philosophical Culture]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 339-356. DOI: 10.34670/AR.2026.90.41.004

Keywords

Anthropodicy, spiritual value, love, Russian philosophical culture, sobornost', sophianicity, human being, all-unity, philosophy of the Silver Age.

References

1. Andrei Bely. (1991). Veyninger o pole i kharaktere [Weininger on gender and character]. In *Russkiy Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* (pp. 100-105). Moscow: Progress.
2. Astafyev, V. P. (2004). Pastukh i pastushka [The shepherd and the shepherdess]. In V. P. Astafyev, *Izbrannoye* (p. 363). Moscow: AST.
3. Berdyaev, N. A. (1994). *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art] (Vol. 1, pp. 202-217). Moscow: Iskustvo: IChP "Liga".

4. Berdyaev, N. A. (2007). *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Moscow: AST.
5. Blok, A. A. (2006). *Stikhi o Prekrasnoy Dame* [Poems about the beautiful lady]. Moscow: Eksmo.
6. Bunin, I. A. (2011). *Temnyye allei* [Dark alleys]. Moscow: AST.
7. Chaadaev, P. Ya. (2006). *Filosoficheskiye pis'ma* [Philosophical letters]. Moscow: AST.
8. Davydov, Yu. N. (1989). *Etika lyubvi i metafizika svo evoliya* [Ethics of love and metaphysics of self-will]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
9. Dostoevsky, F. M. (2005). *Brat'ya Karamazovy* [The brothers Karamazov]. Moscow: AST.
10. Dostoevsky, F. M. (2010). *Idiot*. Moscow: AST.
11. Fedorov, N. F. (2006). *Vopros o bratstve* [The question of brotherhood]. Moscow: AST.
12. Fedotov, G. P. (1990). *Svyatyye Drevney Rusi* [Saints of ancient Russia]. Moscow: Moskovsky Rabochy.
13. Ivanov, V. I. (1995). *L. Tolstoy i kul'tura* [L. Tolstoy and culture]. In *Liki kul'tury: Al'manakh* (Vol. 1, pp. 259-275). Moscow: Yurist.
14. Kireevsky, I. V. (2002). *Razum na puti k istine* [Reason on the path to truth]. Moscow: Moskovsky Sretensky Monastery.
15. Lossky, N. O. (1994). *Bog i mirovoye zlo* [God and the world's evil]. Moscow: Respublika.
16. Menshikov, M. O. (1994). *O lyubvi* [On love]. Stavropol: Gornitsa.
17. Pasternak, B. (2002). *Stikhotvoreniya. Poemy i proza* [Poems. Poems and prose]. Moscow: AST: Olimp.
18. Poltoratsky, N. P. (1992). *Russkaya religioznaya filosofiya* [Russian religious philosophy]. *Voprosy filosofii*, *2*, 126-140.
19. Rozanov, V. V. (1985). *Brak i khristianstvo* [Marriage and Christianity]. In *Sobraniye sochineniy: v mire neyasnogo i nereshennogo* (pp. 107-139). Moscow.
20. Rozanov, V. V. (1990). *Lyudi lunnogo sveta: metafizika khristianstva* [People of the moonlight: the metaphysics of Christianity]. Moscow: Druzhba Narodov.
21. Rozanov, V. V. (1990). *Uedinennoye*. Moscow.
22. Ryabova, T. B. (1996). *Materinskaya i ottsovskaya lyubov' v russkoy srednevekovoy traditsii* [Maternal and paternal love in the Russian medieval tradition]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, *1*, 27-32.
23. Shestakov, V. P. (1999). *Eros i kul'tura: Filosofiya lyubvi i evropeyskoye iskusstvo* [Eros and culture: philosophy of love and European art]. Moscow: Respublika.
24. Shmelev, I. (1988). *Leto Gospodne: Prazdniki. Radosti. Skorbi* [Summer of the Lord: holidays. joys. sorrows]. Moscow: Sov. Rossiya.
25. Skovoroda, G. S. (1973). *Sochineniya* [Works] (Vol. 1). Moscow: Mysl.
26. Tolstoy, L. N. (1978). *Voyna i mir* [War and peace] (Vol. 4). Moscow: Molodaya Gvardiya.
27. Tolstoy, L. N. (1987). *Kreutzer sonata*. In L. N. Tolstoy, *Sobraniye sochineniy* (Vol. 11, pp. 97-127). Moscow: Pravda.
28. *Filosofiya lyubvi*. Ch. 1. Pod obshch. red. D.P. Gorskogo; Sost. A.A. Ivin. M.: Politizdat, 1990. 510 p.
29. Khomyakov A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochinenii*. Tom 1. M.: 3 izd., 408 p.
30. Tolstoy, L. N. (1992). *Zakon nasiliya i zakon lyubvi* [The law of violence and the law of love]. In L. N. Tolstoy, *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya* (pp. 133-189). Moscow.
31. Vodolagin, A. V. (2006). *Lyubov' i smert' v ponimanii V. V. Rozanova* [Love and death in the understanding of V. V. Rozanov]. *Voprosy filosofii*, *10*, 109-113.
32. Voloshin, M. (1988). *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. Leningrad: Nauka.
33. Yurkevich, P. D. (1990). *Serdtsе i yego znachenіye v dukhovnoy zhіzni cheloveka, po ucheniyu slova Bozhiya* [The heart and its significance in the spiritual life of man, according to the teachings of the word of God]. In P. D. Yurkevich, *Filosofskiyе proizvedeniya* (pp. 69-103). Moscow: Pravda.
34. Zaitsev, B. K. (1989). *Golubaya zvezda: Povesti i rasskazy. Iz vospominaniy* [The blue star: novels and stories. From memoirs]. Moscow: Moskovsky Rabochy.
35. Zenkovsky, V. V. (2001). *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskyy Proekt, Raritet.